ОТЗЫВ

на диссертацию Исхакова Радика Равильевича
«Христианское просвещение и формирование культурно-религиозных институтов татар-кряшен Волго-Уральского региона
(последняя четверть XVIII- начало XXвв.)»,
представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация Р.Р.Исхакова поднимает актуальные проблемы, выполнена в традиционной форме научных исследований, базируется на обширном историческом материале. Но, судя по ряду моментов, при подготовке к её защите допущена большая спешка, в результате которой обнаружились определённые неточности, нестыковки, неустоявшиеся в науке понятия, вольные и необоснованные трактовки и толкования. Прежде всего это касается формулировок общей темы и названий разделов, объекта исследования, характера изложения исторического материала, степени аргументированности и обоснованности выводов и заключений, которые не всегда, мягко говоря, соответствуют всё явственнее утверждающейся в науке, политике и сфере социальных взаимоотношений тенденции рассмотрения кряшен в качестве самостоятельного (отдельного от татар), самобытного и самодостаточного этноса.

Указанная спешка не позволила заинтересованным лицам детально ознакомиться с представленным на защиту трудом, отзывами на него, а соискателю своевременно отреагировать на них. Вызывает вопросы организация защиты. Конечно, диссертант вправе выбрать, а любой диссертационный совет принять на защиту работу по его профилю. Но настораживает то, что местом защиты избрана не Казань – исторический центр науки о кряшенах и кряшенского национального движения, где защита стала бы публичной, а Чебоксары, где нет известных крешеноведов и нет гарантии квалифицированного рассмотрения и оценки представленного исследования. Подстать этому и выбор официальных оппонентов: ни один из них, судя по указанным публикациям, непосредственно кряшенской проблемы не изучал, об объекте и предмете обсуждения имеют общее представление, что подтверждают обнародованные отзывы. Вряд ли это случайно.

Конечно, для диссертанта, являющегося руководителем Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков при Институте истории Академии наук Татарстана, это не приемлемо. Ибо Центр создан для того чтобы разработать теоретическую базу проводившейся в 20-х годах

прошлого столетия политики слияния кряшен с татарами, которую сейчас настойчиво проталкивает истеблишмент республики. Не принимается во внимание не только то, что сами кряшены категорически отторгают себя от татар, в 2001 году они приняли и довели до властей и общественности Декларацию о самоопределении как этноса, а нагайбакам – казачьему сословию кряшен – в 1996 году федеральные власти предоставили статус малочисленного народа и внесли в соответствующий государственный реестр. Образовался нонсенс: один этнос в пределах одного государства разделён на две неравноправные части – этнографическая группа и отдельный народ. Попытки преодолеть этот казус национальной политики на протяжении прошедшего столетия положительных результатов не дали. Следуя установкам власть имущих, диссертант игнорирует критику этой позиции, ссылаясь на ряд работ, в названии и тексте которых фигурируют созвучные его представлениям о кряшенах утверждения, пытается выдать их за устоявшиеся в научном обороте аксиомы.

Это лишний раз подтверждает, что вся научная продукция указанного Центра и его руководителя, представленная в том числе в библиографии диссертации, выполнена строго в духе политических устремлений татарстанских властей и националистически настроенных татарских учёных, прикрывающих свои антикряшенские творения стремлением отстоять единство татарского народа. А конкретно это выражается в непризнании самоназвания «кряшен» в качестве официального этноса, отказе в предоставлении им государственного статуса самостоятельного (вместе с нагайбаками) народа, восстановлении утраченной ими в советское время национальной инфраструктуры: школ и педагогического техникума, театра, СМИ, возвращении культовых объектов и т.д.

Отзвуки политизированной науки о кряшенах не могли не сказаться на диссертации. Ещё до ознакомления с текстом настораживает наименование её темы. Ключевое слово в ней – «татары-кряшены», объект исследования – «татары-кряшены». Достаточно заметить, что такой этнический субъект в государственных документах не значится, как научный термин общего признания не получил – даже не вошёл в Татарскую Энциклопедию, – самими кряшенами не воспринимается и отвергается в любых трактовках и значениях.

В тексте без каких бы то ни было оговорок и пояснений, вперемешку, без учёта временных различий, без ссылок на официальную лексику и научные традиции, часто в одном абзаце рассуждения ведутся скопом о кряшенах, татарах-кряшенах, крещёных татарах и всех производных от этих слов. Даже не оговорены принципиальные различия между дореволюционными крещёными татарами и нынешними кряшенами, не говоря уже о сути различия в их названиях. Странно воспринимать крещёных татар XVI, XVII, XIII веков

кряшенами, и шельмованием звучит именование нынешних кряшен «татарами-кряшенами», ибо татарин в историческом сознании кряшена – это мусульманин, от которого он решительно дистанциируется.

Без сомнения, диссертант не намеревался излагать историю происхождения кряшен. Но дать своё видение объекта исследования, нюансы употребления его разновидностей и, тем более, толкование понятия «кряшен» и как этнического субъекта, и как обыденного самоназвания, и как пока ещё непризнанного этнонима было бы уместно. Дело в том, что до настоящего момента ни в научном обороте, ни в общественно-политической лексике, ни в повседневном обиходе не существует устоявшихся, общепризнанных ответов на вопросы: «Кто такие кряшены? Когда и откуда они появились? Какова историческая обусловленность их сосуществования?». В силу этого проблема кряшен, пожалуй, одна из самых сложных в этнологии. Суть вопроса в том, что наукой (как, кстати, и политикой) до сих пор не обозначены их место в иерархии народов России, не говоря уже о политических и юридических правах и гарантиях. Поэтому сколько исследователей, столько толкований – противоречивых, нередко взаимоисключающих друг друга. Касаются они как этнической сущности, так и социального статуса изучаемых.

Известно, что в результате социальных потрясений, продолжающихся с начала заселения и освоения евразийских просторов до настоящего времени, предки кряшен, а затем и сами кряшены в зависимости от конъюнктуры воспринимались по-разному. Понятия «крещёные татары» и все варианты этого экзонима (экзоэтнонима), а также их носители стали достоянием истории. В 20-х годах прошлого века в противовес выдвинутому кряшенской общественностью лозунгу «Кряшены – нация» (читай национальность) была сформулирована и настойчиво проводилась политика слияния кряшен с татарами. Ожидаемых результатов она не дала, и вопрос был решён по-сталински – кряшены были объявлены татарами и исключены из списка народов СССР. После развала Союза всплеск национализма и парад суверенитетов до предела обострили кряшенскую проблему и вызвали ожесточённую дискуссию сторонников единства татарского народа и приверженцев этнической самобытности кряшен. В ответ на принятие конференцией последних Декларации об этническом самоопределении и апеллирование за поддержкой к федеральным властям истеблишмент республики негласно возродил линию столетней давности на поглощение кряшен татарами.

В этих целях приняты конкретные меры: создана проправительственная Общественная организация кряшен РТ, которая, как и предполагалось выдавила самодеятельный Республиканский национально-культурный центр кряшен Татарстана; взамен частной газете «Кряшен сюзе» издаётся

протатарская газета «Туганайлар», с первого номера начавшая призывать кряшен во время переписи населения записываться татарами; развернул концертную деятельность государственный фольклорный ансамбль кряшен «Бермянчек», всё более татаризующийся как по составу артистов, так и по репертуару; создан Центр изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков при Институте истории АН РТ, который соответственно своему названию признаёт кряшен (и вкупе с ними их казачье сословие – нагайбаков, имеющих статус малочисленного народа) только в качестве этнографической (этноконфессиональной) группы или субэтноса татар.

Однако диссертационное исследование – это не корреспонденция в вольной прессе: используемые им понятия должны быть общеупотребительными или аргументированно обоснованы, в крайнем случае оговорены, объяснены. Исходя из специфики рассматриваемой работы, можно (и нужно) было в качестве целостного наименования кряшен как этнического образования при описании дореволюционного периода использовать официальное обозначение «крещёные татары», а для последующего времени – «кряшены». При этом требовалось недвусмысленно оговорить, кто имеется в виду под крещёными татарами. Ибо вышедшие из татар пятьсот аристократических династий России после крещения обрусели, не менее ста тысяч принудительно крещёных татар в пореформенные годы середины XIX века, трёх войн и трёх революций начала XX века отпали от православия и мусульманизировались. Их нет среди кряшен. Кряшены в подавляющем большинстве своём, как утверждают современные этнологи, не потомки мусульман, их предками были тюрки-несториане, финно-угорские и чувашские язычники, русские, польские, калмыцкие полоняники и другие.

Принимая это во внимание, невозможно согласиться с употреблением словосочетания «татары-кряшены» в формулировках первой главы и входящих в неё параграфов. Ибо совершенно неясно, что подразумевается под формированием и эволюцией православной конфессиональной идентичности некой разновидности татар, не имеющей места в истории. Раздел, обозначенный как теоретико-методологический анализ консолидационных процессов и названной идентичности, в полном научном смысле этого понятия не выдерживает критики. Соискатель представляет широкий инструментарий исследования, который включает в себя принцип историзма, системный, сравнительно-исторический и феноменологический методы, причинно-следственный и казуальный анализ, конструктивистский, критический и цивилизационный подходы. К сожалению, он в большей степени продекларирован, чем применён в процессе исследования. Достаточно сослаться на применение критического подхода. Оно не прослеживается нигде. Полемика как таковая, отсутствует, текст диссертации описателен.

даже раздел историографии не даёт представления о том, что из наработанного в избранной сфере хорошо и что плохо.

В целом работа создаёт впечатление трактата без начала и конца. Изложение темы открывает пассаж о новокрещёнах как особой конфессиональной и социальной страте нерусского населения. Появление крещёных татар однозначно связывается с христианизацией населения края после завоевания Казани. Откуда взялись кряшены преподносится как само собой разумеющееся – из христианизированных татар-мусульман, правда, с добавлением инородных элементов финно-угорской принадлежности. И ни слова о том, что эта позиция оспаривается многими маститыми учёными, что существуют другие, достаточно обоснованные версии. Но диссертант упорно не хочет их замечать.

Нет сомнения, что этот управляемый хаос выгоден сторонникам слияния кряшен с татарами и возведён на академический уровень. Под влияние такой крайне политизированной политики попали многие учёные Татарстана, заложниками её стали руководители некоторых официальных структур и общественных организаций, в том числе и соискатель. Естественно, его позиция не могла не отразиться на характере и результатах исследований. Так, в соответствии с названиями глав в первой из них фигурируют те же татары-кряшены, во второй – крещёные татары, третья и четвёртая целиком посвящены кряшенам. Может показаться, что речь идёт разных этносах. Почему такое разночтение, непонятно. Обращение к определению объекта исследования, данного диссертантом, а именно – «татары-кряшены – конфессиональная группа татар, принявших православие в XVI-XIX вв.», картины не проясняет. Иных этнических обозначений нет, пояснений тоже. Автор, похоже, различий в этом не видит. Начиная с первых строк, он весьма вольно употребляет в тексте как синонимы понятия «татары-кряшены – крещёные татары» и все производные от них словообразования.

Это не позволяет разграничить данные наименования, отобрать из них те, которые правомерно могут стать терминами политического лексикона и научного оборота, очистить понятийный аппарат от всего наносного, случайного. Сложившаяся всеядность порождает разночтение, зачастую вносит сумбур в совершенно, казалось бы, беспроблемный дискурс.

Следует признать, что обращение Р.Р.Исхакова к чисто кряшенской проблематике показывает повышение интереса к ней татарских учёных, татарстанской исторической науки в целом. Ибо комплексное изучение проблемы «крещёные татары – кряшены» приобрело исключительную актуальность в постсоветское время. И тем более актуальна и животрепещуща проблема их современного статуса и социально-психологического состояния.

Однако, не отрицая и не пытаясь преуменьшить всего положительного, что отмечено в официальных и неофициальных отзывах на диссертационное сочинение и его реферат, необходимо отметить неприемлемые для современного состояния исторической науки в целом и этнологии в частности утверждения и выводы соискателя.

В итоге, учитывая актуальность темы, отдавая должное проделанной работе, было бы конструктивным перенести защиту на более позднее время и дать возможность соискателю доработать и представить на суд научной общественности добротное исследование.

Фокин Аркадий Васильевич,
председатель совета ветеранов кряшенского движения,
доцент, кандидат исторических наук

Республика Татарстан, г. Казань, ул. М.Худякова, 4.
Подворье Кряшенского прихода, музей истории и культуры кряшен.
Тел/факс (8-843) 292 44 88, моб. тел. (8-927) 476 37 48.
e-mail farvak@rambler.ru

Публикации по кряшенам:

Есть такой народ кряшены: Проблемы этноконфессиональной идентификации кряшен. – Казань: Кряшенский приход, Совет ветеранов кряшенского движения г. Казани. – 2011. – 300 с.

Кряшены – судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики национального движения кряшен. –Казань. – Совет ветеранов кряшенского движения т. Казани. – 2013. – 199 с.

Подпись Фокина Аркадия Васильевича заверяю: